

Как хотите, господа, а это вызов (чуть не написал по старинке “друзья-товарищи”, но уже язык не поворачивается — “господа” засмеют) под огнём художественного своеволия оказывается русская культура. Бедный Пушкинский Сальери разгне-

вался, когда слепой скрипач в трактире разыгрывал арию из “Дон Жуана”: “Мне не смешно, — говорит, — когда маляр негодный мне пачкает Мадонну Рафаэля”, “мне не смешно, — ругается, — когда фишляр презренный пародией бесчестит Алигьери”.

Ах, Антонио, Антонио, святое дитя! Разве это посягательство? Это только простосердечная любовь бедного слепого скрипача. А вот не угодил ли в новосибирской вердиевской “Аиде” увидеть Радамеса автоматчиком, а Аиду официанткой, а в “Геликон-опере” в “Аиде” же царя Египта, вылезающего из автомата, продающего презервативы. Какой “слепой скрипач в трактире”? Сама художественная система торопится стать трактором. На Венецианском биеннале в русской инсталляции сажают “чучело” Льва Николаевича Толстого в стеклянный куб за рабский стол писать “Анну Каренину” и пускают в этот же куб живых кур, чтобы они гадали на Толстого. Мужики, вишь, и простоту ему подавай. Вот и получи Лев Николаич! А “Аню Саген-ину” Лилии Ким, представленную в своё время на Набстеп, не читали? Анна-то под поездом не погибла — так травма, на коляске ездит, но зато вырастила разбитную дочурку, которую изнасилует “поп-звезда второй величины и символ голубой тусовки” Вронский, чтобы она родила Антихриста “по заявке” одной секты, пока Левин поставляет на Запад девиц для публичных домов, а Кити сама “прираба-тывает” в болгарском борделе. Все при деле.

Ну, а уж где Толстой, там и Достоевский. В Московском Ленкоме у Богомолова князь Мышкин станет педофилом Тымшинским, которому Надежда Филипповна пишет любовные письма кровью (после изящной паузы — “менструальной”) и всё норовит остаться для князя пятнадцатилетней, суюсюка и не выговаривая звук “р” в слове “ребёнок”, которым она аттестует себя.

А Гоголь. Бедный Николай Васильевич! У Владимира Мирзоева дочка с матушкой в “Хлестакове” только успевают раздвигать ноги при появлении

Валентин КУРБАТОВ

Ивана Александровича, а у Валерия Фокина в Александринке Иван Александрович и вообще показывает “мастер-класс”, как “это” делается у них с “душой Тряпичкиным” там, в Петербурге, со всеми подробностями, вызывая нетерпеливое матушкино желание сменить дочку. Всюду жизнь...

И у Александра Сергеевича в “Графе Нулине”, если сказано “Наталья Павловна раздета”, так она и будет раздета, и коли “и граф раздет уже совсем”, так он и будет “совсем”. И вот уже даже в Большом в “Русlane и Людмиле” дирижер спектакля Владимир Юровский остерегает родителей, чтобы они не вздумали брать на спектакль детей, потому что Руслан там будет божь, Людмила будет коротать дни в психушке, а Фарфал исполнять мужской стриптиз на столе.

Остановимся! Не будем лыстить низости повторением её “находок”. Взглянем, взялись “господа либералы” за родную культуру. Давно взялись. Ох, не зря Василий Васильевич Розанов печалился, что поживи Пушкин подольше, не делились бы мы на славянофилов и западников — стыдно было бы его целостности. А уж как господа-западники забыли, что в пору Герцена в них со славянофилами ещё билось “одно сердце” и как заглядывались, ища одобрения ТАМ, так и не останавливаются. Не будем подозревать русского либерала в “прикиривании” — он бескорыстен, ему довольно одобрительного кивка маркиза де Кюстина, как бы маркиз ни звался в последующие века. Фёдор Михайлович ещё в 80-е годы XIX века видел их насквозь

и читал их “программу” как с листа: “Мы намерены образовать наш народ помаленьки, переделав его национальность на иную. Образование построим на отрицании его прошлого, а чуть выучим народ грамоте, начнем обольщать его Европой. Заставим его устыдиться своего лаптя и квасу... И когда он застыдится своего прошлого и проклянет его, тогда уж он наш...”. Больно и тяжело читать, словно Фёдор Михайлович из нашего нынешнего окна смотрит: “...русский либерализм не есть нападение на существующие порядки вещей, а есть нападение на

едет в Михайловское к Георгию Николаевичу Василевичу и ко мне за подтверждением этой “правды”. После Пушкина, — писал ещё в 1920-м не самом покойном для России году Кирилл Зайцев, — нет места унынию и в нём находит себе примирение и оправдание вся русская действительность”. Как это “примирение и оправдание”, — так и вскинется господин и нынешний “толкователь” классики — да зачем же мы тогда силы-то на расшатывание тратим?

Бедный Георгий Иванов в отчаянии писал в эмиграции:

“И все на наш редут...”

Россия — счастье, Россия — свет. А, может быть, России вовсе нет. И над Невою закат не догорал, и Пушкин на снегу не умирал.

Тогда уж совсем смерть. Не знал, что господа постараются лишить его и последней пушкинской опоры. Какая Россия? Какой Пушкин? Довольно мифологии! Хватит “лаптя и квасу”. Классики, вишь, они. А мы вот нарисуем вам на портретах усы и очки, как в школьных учебниках, а вырастем, пус-

Литература, театры, кино — всё будет изображать и прославлять самые низменные человеческие чувства. Мы будем всячески поддерживать и про-

славлять так называемых художников (понимал, что “так называемых”, — В.К.), которые станут насаждать и вдвигать в человеческое сознание культ секса, насилия, садизма”. Понимал старик Аллен и то, что кто-то и воспротивится, так и это предусмотрел: “мы поставим их в беспомощное

Феномен романа Евгения Чебалина “НАНО-SAPIENS”

Вячеслав ЛЮТЫЙ

Современная русская фантастика, как правило, отображает реальность в виде возможного развития событий и почти никогда не воспринимается чи-

И уже затем, вместе с повествователем уверенно двигаться по сюжетным линиям, не обращая внимания на смену интонационных ракурсов.

Так было в “STATUS-KBoTe”, где сарказм и пафос, конспирология и романтизм, роман подвига и роман поражение тесно переплетались друг с другом и ошеломляли всякого русского человека, открывшего однажды эту книгу. Новый роман “НАНО-SAPIENS” про-

рестная низовая реальность и отвлечённая от конкретики футурологическая парадигма пронзают друг друга и ставят каждого русского перед чертой, за которой зияет возможное небытие России и Земли как таковой.

Главные герои предыдущей книги Чебалина в настоящем сюжете действуют внутри наиболее преданных своим идеалам людей вне зависимости от этнической принадлежности: немец и русский, финн и еврей готовы к жертвенному поступку.

Но увы — и здесь предатель идёт рука об руку с предателем, “кроты” нарыли множество тайных ходов, коррупция, как проказа, поразила практически все институты государственной власти и управления экономикой страны.

Вместе с тем, будто стальные нити связывают наиболее преданных своим идеалам людей вне зависимости от этнической принадлежности: немец и русский, финн и еврей готовы к жертвенному поступку. И здесь у Чебалина — приоритет личности и родового начала. Славянские боги и их заповеди, христианская чистота и самое сердце человека, в коем нет червоточины, — вот опора той борьбы и негибнущего стоицизма, которые угадываются в основании всех событий романа “НАНО-SAPIENS”.

Каждый из героев сюжета сопровождается вереницей антигероев — в Финляндии, в еврейской среде, в Конторе, в русском окружении, отравленном ядом корысти.

Они словно укутывают гниущее российское сегодня в мутную плёнку, которая препятствует свободному движению воздуха и света.

Завтрашний день, определённо, не отразит лица этих людей, а их имена упадут в придорожный грязь, когда страна расправит плечи и станет говорить со своими гражданами ясно, честно и ответственно.

Впрочем, это произойдёт не вечером или поутру — перед нами трудная дорога, полная горьких потерь и неожиданных, ошеломляющих обретений.

Бьют тревогу публицисты и социологи — русский человек, не имеющий смысла, выходящий за пределы своей повседневности, утрачивает национальную идентичность, превращается в глобального человека!

Дело обстоит гораздо хуже. Пра-

клён не просто так стоит. Он стержень Русы.

Местоахождение сада Пастернака — определить невозможно!

Память о прошлом не любовна Осипу Эмильевичу Мандельштаму — тоже великому, русскому... Этот поэт не стал бы сидеть в архиве как Алек-

О коне и трепетной лани

вающие элиты не дают даже приблизительно определить — в чём эта идентичность в настоящее время может выражаться? Попробуем представить сами смысловое содержание этого научного определения. Предположим, например, мы отличаемся от других народов особой любовью к своей стране, к её природе и людям. Всё перечисленное — своё, всё близко душе, как уголок родного дома. Ты любишь его, как бы неуютно и худо ни жили в нём родные тебе люди.

Но вот слова поэта Бориса Пастернака, которого либералы всегда величали великим и русским. Гостю из Англии, Исая Берлину, Пастернак говорит о современной ему России: “Куда ни кинешь взгляд, всюду отвратительно, жутко и мерзостно, везде свинство” (*Берлин. История Свободы. Россия. Стр. 459*).

Как поэт Пастернак любит свою родину, но любит как гигантское эпическое творение Господа, как место, где он находит свои поэтические образы. Так же любил художник Исаак Левитан рожи и плёсы приволжских берегов. Художник точно передал их грусть и нежность, чистоту и незащищённость. Но на картинах Левитана нет ни одной крестьянской избы, ничего из картин русского быта. Чистая — без людей — природа. Как и у Пастернака, ночной сад — капнет и прислушается — всё ли он один на свете! Один — всегда один! И в стране и во вселенной! Это у Есенина —

сандр Сергеевич Пушкин, с волнением листая страницы по истории крестьянских восстаний.

Можно перечислять и перечислять... Такие творцы — одиноки! Их герои почти всегда живут не в конкретном месте, а в космосе. Им и шагу нельзя пройти, “...не топчя мироздания”.

Их творчество идёт не от языческого переизбытка жизненных красок и соков родной страны, а из ветхозаветных философских обобщений! Они — здесь в гостях. Герой стихов Пастернака может открыть форточку и спросить: “Какое, милые, у вас тысячелетие на дворе?”. — Неважно при этом, где он в этот момент находится — в Сиднее, Париже, или Лондоне.

Они, конечно же, читали стихи Пушкина про то, что “...в одну телегу впрячь не можно — коня и трепетную лань”, да видимо себя не признали в образе “трепетной лани”. Или намёк Александра Сергеевича не поняли. Ведь лань-то слишком трепетная, чтобы с кем-то там посторонним — тянуть телегу под названием литература.

Образ трудяги-коня очень подошёл бы для писателей и поэтов — “почвенников”. Вспомните Сергея Есенина, Николая Клюева, Николая Рубцова и многих других. Души этих поэтов распахнуты всем горестям и радостям землянок. В произведениях “почвенников” всегда шумно и людно. Там слышен неповторимый

положение, превратим в посмешище и найдем способ обогатить”.

“Так называемые-то”, ответившие на призыв Даллеса, конечно, поспешили назвать эту доктрину “фальшивкой”, что на самом деле они только “свободны”. А вот “свобода-то”, понятая как своеволие, и была криком. Ах, свобода, свобода! Как знали её пределы лучшие из поэтов.

*Пушкин, тайную свободу
 Пели мы вослед тебе.
 Дай нам руку в непогоду!
 Укрепил в немой борьбе!*

молит Александр Блок. “Тайную”, как мужественную и умную, исповедующую своё, а не подсысывающую чужому.

Тут бы и власть в отчаяние, видя разгулявшееся зло, которому поперёк слова не скажи, чтобы не вписали в цензоры и мракобесы и не обозвали бранным словом “патриот”. А только родной язык наш ещё за себя постоит, потому что с Ломоносовской поры знает: “Языка нашего небесная красота не будет никогда попорнана от скота” и со школьной скамьи помнит и Тургеневское: “Нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу”. Нет, нет, прав Кирилл Зайцев “После Пушкина нет места унынию”.

Слава Богу, лучшие театры и лучшая словесность не боятся быть обогланными и помнят “заповеди блаженства” русской классики и не тропятся сдать их “цивилизovanому человечеству”.

Ну что ж, вызов, так вызов. “Иль нам с Европой спорить ново? Иль русский от побед отвык?”.

Только поспристальнее взглядым в своё слово и, коли вернулись бы “бес своеволия” (художники же, а он знает, в каких краях искать добычу), вспомним, что Слово было у Бога и было Бог, и Кирилл и Мефодий опять принесут нам азбуку, омнутую любовью и Истиной, и Древо познания не заслонит от нас спасительного Древа жизни.

А там посмотрим: чья возьмёт!

На снимке: “Евгений Онегин” в театре им. Вахтангова

народный говор (рассказы Василия Шукшина, к примеру). История России — для них живой источник вдохновения.

Мы имеем два разных типа российский ин-

Валерий СКРИПКО

теллигенции. С 1917-го года и по сей день власть всё приобретает “впрячь” их в одну “телегу литературы. И всё без толку! “Трепетная лань” в чужой среде продолжает “трепетать” и рваться из оглобей. Конь не может идти прямо и уверенно, потому что его тянет куда-то в сторону эта самая лань!

Такая “телега” — уже не гоголевская птица-тройка. На ней даже жулика Чичикова в “светлую рыночную даль” не увезёшь!

Был у нас такой общественный деятель — писатель Владимир Максимов. Пробовал он эти два типа писателей помирить. С этой целью в начале девяностых годов организовал их встречу в Италии. Примирение не состоялось, поскольку они расходятся по самым важным принципиальным вопросам. Российское общество, как и прежде при Советах, — осталось без единой, дружной команды учителей!

И стоит на месте “телега литературы!” Подражая Гоголю, кричу: “Лань! Куда несёшься ты? Какого рожна тебе надо? Одна ты эту тяжёлую, неповоротливую “телегу” не потянешь, надорвёшься. Сдвинуть её с места можно только в одной упряжке с конём”.

Если привязался к российской земле всей душой, постарайся полюбить её, как полюбил окрестности Тель-Авива почти всю жизнь проживший в США писатель Меир Шалев. Полюби — и впрягайся!

К 70-летию художника и поэта Виктора Калинина

Обычно говоря о писателе “художник” мы подразумеваем, что он создал глубокий художественный образ в каком-либо произведении. Но я хочу рассказать о человеке, являющемся художником сразу в нескольких творческих смыслах. Это член Президиума Российской академии художеств и член Союза писателей России Виктор Григорьевич Калинин, который в эти дни отмечает свой замечательный юбилей. Калинин —

Валерий СДОБНЯКОВ

художник, живописец с мировым именем. Его картины находятся в лучших собраниях России: Третьяковской галерее и Русском музее, а также во многих региональных музеях страны, в музеях Германии, Польши, Словакии, США... За свои достижения Виктор Григорьевич награждён Золотой медалью Российской академии художеств. Но с Нижегородской землёй он связан навечно тем, что именно здесь учился в Горьковском художественном училище с 1962 по 1965 годы. Потому со своими работами Калинин много раз принимал участие в выставках, проходивших в Нижнем Новгороде. Но я, хоть и очарован творчеством этого выдающегося мастера, в этой статье хочу поговорить о его не менее талантливых стихах.

Виктор Калинин автор нескольких книг, где опубликованы его поэтические произведения. В работе со словом он предстает и как глубокий философ-соператель, и как размышляющий, неравнодушный историк, но главным образом, как талантливый живописец: *Оступиться в синичий свист,
 Уползти в собачий лай,
 На облаканный светом лист
 Поселить прошлой жизни рай.
 Рай забот и ночных тревог,
 Рай стыда за неловкий жест —*

Изнурияющий рай дорог, Уводящих из райских мест.

Это строки художника, пытающегося на холсте передать сложную полифонию чувств и переживаний. Это строки творца, в своих стихах “не попошайничаящего о вечности”, хранящего “свитка времени”, ловящего “искры потухающих звездных костров”, пытающегося оседлать “клеимых временем коней” и выдающего, что “в глыбы облаков вмурован ветер”.

Да, это замечательная поэзия, вы-

непривычное, ранее не замечаемое, не осознаваемое в будничной суете. Не замечаемое и не постигаемое в обыденности. В этом и есть чудо творчества — как поэзии, так и живописи. В этом и чудо пережитого, наполненного чувством слова, и восхитительный образный зрительный ряд. Когда же эти два чуда сливаются воедино, то мы, слушающая ли стихи, рассматривающая ли картины, открываем в себе неизвестные, недостижимые ранее миры:

*Высот господствующих кобальт,
 И умбры выпадающей выпас.
 Звезды серебряная проба
 На глади озера укрывалась.
 И слюя красочного осыпь
 Дорогу к лесу перекрывает.
 Как будто — ночь, как будто — осень,
 Как будто ЭТО с нами было.*

И стихи, и живопись у Калинина абсолютно созвучны друг другу.

Есть у него большой цикл стихов “Посвящение Ирине”. Хотя произведения из него и обращены жене, а значит

самому близкому и родному человеку, но это не стихи о любви в привычном, обыденном понимании. Тут происходит особый “разговор с музой” без всяких сантиментов. Тут всё важно, вызывает к думам о вечном. Калинин не умеет пустословить:

*Пароканная тяга
 отпущенных сроков пулуева.
 Параллельная жизнь,
 уводящая жизнь плодоносит.
 На гончарном кругу Бытия
 стынет лунная глина,
 А горшечник усталый
 уносит её и уносит.*

“Горшечник усталый”, “Как будто ЭТО с нами было”. А, может быть, и правда было, раз душа отключается и сердце волнуется от неких, то ли воспоминаний прошлого, то ли предчувствий будущего? Ведь всё в мире уже когда-то было... и всё будет, всё повторится — любовь и ненависть, восхищение и разочарование.

Виктор Калинин черпает вдохновение именно из этих вечных глубин мироздания. Но и глубина человеческой души, её творческого потенциала никак не измерена, нами не познана. А значит и открытия, ею произведённые, не имеют предела.

О прозе Михаила Тяжева

Литературные журналы непременно печатают рассказы и маленькие повести Михаила Тяжева, как будто это Василий Шукшин, Юрий Казаков или, на худой конец, Борис Екимов. Не знаю, пользуется ли он таким же успехом у читателей, но у редакторов “Нового мира”, “Знамени”, “Октября” — это прямо-таки рассказчик номер один. Кое в чём они правы. По органичному чувству рассказа среди пишущих на русском языке у Тяжева на сегодняшний день соперников нет. Кроме того, рассказ (или подборка рассказов) — вещь чрезвычайно удобная, когда составляется номер. Рассказы легко записать, образованные и вёрткие неуклюжих длинных романов. Также, не совладав с очередной “Жизнью и судьбой”, читатель может использовать рассказ для отдыха, и пополнения сил перед дальнейшим штурмом монументального произведения. Потом, всем надоела в литературе вычурность, за которой никакой духовной изощрённости нет, а есть только нарочитость и невоздержанность. Неудивительно, что Михаил Тяжев, который пишет в реалистической манере, сдержан в чувствах, уверен в литературных приёмах, имеет успех.

Судя по данным интернет-ресурсов, Михаил Тяжев вполне преуспевающий актёр, он снимается в кино, играет в театре, кроме того, он то учится, то ли уже преподаёт во ВГИКе. Здесь уж сравнение с Василием Шукшиным напрашивается само собой, да, наверное, он и сам себя с ним сравнивает, а может быть, и равняется на него. Скажу более, в рассказах, а именно в области форм, он явно подражает Шукшину, из серой обыденности старается почерпнуть какой-нибудь анекдотический эпизод и изложить его динамич-

но и живо. Чаше всего ему это удаётся. Редкий рассказ не вызовет удовольствия. Как писателя его больше всего волнует тема “мировой чепухи”, и по прочтении думаешь: как ловко, как остро он её отражает!

Но удовлетворение, а тем более удовольствие — сомнительные критерии в литературе. Это не означает, конечно, что произведения должны представлять тяжкую, мучительно-

скупную дистанцию, которую читателю обязан пройти, ничем не заслужив наказания. Впрочем, это тема отдельного разговора, и вдаваться я сейчас в неё не стану. Но если уж мы заговорили о Шукшине, то вряд ли удастся тотчас остановиться. Вспоминаешь, конечно, и озорное, непривычное исполнение шукшинских рассказов, но в первую же очередь — содержание, а именно знаменитых неподражаемых “чудиков”.

Василия Шукшина я давно не перечитывал. Многие сюжеты стёрлись, забылись, но остались в памяти — в памяти сердца — эти странноватые люди, как будто дальние родственники или близкие знакомые, уехавшие куда-то. Как теперь складывается их судьба? Какими чаяниями и надеждами, какими несчастиями живут они в данное время? Так вот: Шукшин — при всей зазорной оболочке своих рассказов — чрезвычайно тревожный писатель. Вспомни слова Михаила Лобанова о поэме Венедикта Ерофеева “Москва — Петушки” — “Это Россия в какой-то трагической иррациональности бытия”. О Шукшине можно сказать то же самое. Выдающиеся художники трагикомического Венечка Ерофеева и Василий Шукшин давно почили, а их удивительный художественный

мир живёт, ни на минуту не увядая.

Если мы вправе говорить о художественном мире Михаила Тяжева, то мир этот чрезвычайно пустынный. Сюжеты у него цепкие, описания точные, иные разрозненные детали оста-

В ожидании Годо

Илья КИРИЛЛОВ

скупную дистанцию, которую читателю обязан пройти, ничем не заслужив наказания. Впрочем, это тема отдельного разговора, и вдаваться я сейчас в неё не стану. Но если уж мы заговорили о Шукшине, то вряд ли удастся тотчас остановиться. Вспоминаешь, конечно, и озорное, непривычное исполнение шукшинских рассказов, но в первую же очередь — содержание, а именно знаменитых неподражаемых “чудиков”.

Василия Шукшина я давно не перечитывал. Многие сюжеты стёрлись, забылись, но остались в памяти — в памяти сердца — эти странноватые люди, как будто дальние родственники или близкие знакомые, уехавшие куда-то. Как теперь складывается их судьба? Какими чаяниями и надеждами, какими несчастиями живут они в данное время? Так вот: Шукшин — при всей зазорной оболочке своих рассказов — чрезвычайно тревожный писатель. Вспомни слова Михаила Лобанова о поэме Венедикта Ерофеева “Москва — Петушки” — “Это Россия в какой-то трагической иррациональности бытия”. О Шукшине можно сказать то же самое. Выдающиеся художники трагикомического Венечка Ерофеева и Василий Шукшин давно почили, а их удивительный художественный

ются в памяти. И не только детали, но даже порой целые образы. Вот помнится овраг, разьедающий деревню, вот городской уже территория автосервиса — все эти декорации зрими. Но где же люди? Ведь там всюду были люди, с именами и фамилиями, с кличками. Слово созданные из эфира, они выветриваются из сознания полностью. Притом не через годы, а через считанные дни. С такой быстротой обычно выветриваются из памяти герои газетных репортажей. О, нет, я вовсе не хочу полюбить Тяжева журналисту. Не от того ли так происходит, что Василий Шукшин весьма расхождал свои душевные силы не только в кино, но и в литературе. В случае Тяжева приходится сказать, что природа, наделив его писательскими способностями, не даровала ему щедрость творца. Он лишен важнейшего вдохновения, которое превращает всех этих Х, Y, Z в живых людей из крови и плоти.

Не хочется думать, что Тяжев “неисправим”. Он относительно молод (родился в 1974), и у него ещё есть время для “преображения”. Чудеса бывают — и в литературе тоже. Если же этого не случится, то Михаил Тяжев, враждующий с “мировой чепухой”, своим же творчеством эту чепуху укрепит и пополнил.